

„ЗА“ И „ПРОТИВЪ“ ПСИХОЛОГІИ г-на Ш—А.

Относясь съ величайшимъ уваженіемъ и почтеніемъ къ г-ну Ш—у за его плодотворные труды въ области психологiи, поучаясь его изслѣдованіями въ этой области, тѣмъ не менѣе считаю своимъ долгомъ выступить противъ его двухъ послѣднихъ статей, въ особенности противъ его «За и противъ военной психологiи» въ № 8 «Военнаго Сборника», чтобы доказать читателямъ, да и самому г-ну Ш—у, что нѣкоторыя мѣста въ этой статьѣ прямо противоположны выводамъ психологiи и могутъ зародить не только нежелательное, но прямо-таки опасное направленіе въ воспитаніи бойца и арміи, тѣмъ болѣе въ виду высокаго авторитета г-на Ш—а.

Авторъ доказываетъ тѣмъ, «которые, заступаясь яко бы за честь война и заботясь также о должномъ воспитаніи будущихъ бойцовъ, увѣряютъ, что бойцы на войнѣ *не могутъ* волноваться, *не могутъ* страшиться, что *они не боятся* и не отчаиваются и т. п.».

Прежде всего здѣсь или опечатка или невольная ошибка автора: такихъ, которые увѣряли бы, что на войнѣ *не могутъ* волноваться, бояться и пр. нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ. Есть же такіе (къ нимъ принадлежу и я), которые говорятъ, что воины, въ особенности вожди *не должны* поддаваться страху, *не должны выказывать* волненіе, какъ принято это обозначать — распускаться,

вообще *должны* силой воли и ума дѣйствовать на свои низшія чувства; для этого и необходимо воспитаніе, т. е. развитіе силы духа, главнымъ образомъ, силы воли, а также развитіе чувствъ высшихъ и обузданіе низшихъ.

То, что тамъ написано о страхѣ, волненіи и пр. такъ противорѣчить и самому г-ну Ш—у и психологіи, что я усумнился—дѣйствительно ли это писалъ г-нъ Ш—ъ.

«Тотъ изъ бойцовъ, который *потерялъ страхъ*, тотъ на войнѣ не боится смерти... У такого воина нѣтъ страха ни передъ смертью, ни передъ людьми, ни передъ родиной, ни передъ Царемъ, ни передъ Богомъ. Развѣ намъ нуженъ такой воинъ?»

Но зачѣмъ же самъ г-нъ Ш—ъ въ концѣ статьи предлагаетъ клеймить, даже какъ будто карать трусость—одинъ изъ видовъ страха? По психологіи, страхъ есть психическое состояніе, которое испытываетъ живое существо, когда оно ожидаетъ опасность жизни; получаетъ представленіе возможнаго наступленія страданія, зла, боли. Это чувство относится къ инстинкту самосохраненія.

Отношенія же къ людямъ, къ родинѣ, къ Царю, къ Богу базируются и регулируются не чувствомъ страха, а высшимъ (возвышеннымъ) чувствомъ человѣка, а именно чувствомъ долга или совѣстью. А потому потеря въ бойцѣ страха, если бы такая потеря была возможна, обозначала бы только отсутствіе чувства, предупреждающаго живое существо о близости опасности для жизни, о близости страданія, зла, боли, несчастія, однимъ словомъ—отсутствіе чувства *самосохраненія*, причѣмъ, теряя это относящееся къ низшему психизму чувство, этимъ самымъ еще болѣе усиливалось бы высшее чувство человѣка—чувство долга или совѣсти, превращаясь изъ *самосохраненія* въ *самоотверженіе*; именно тогда и будутъ имѣть мѣсто высшій въ мірѣ героизмъ и высота чувства: нѣтъ больше сея любви, да кто душу свою положить за други своя; за ближнихъ, за родину, за Царя, за Бога своего.

И дѣйствительно, по примѣру своего Бога, легіоны христіанскихъ мучениковъ *теряли страхъ* смерти, пытокъ, жесточайшихъ страданій, но при этомъ не только безъ ущерба своихъ высшихъ чувствъ къ Богу, къ ближнимъ, но даже съ возвышеніемъ ихъ.

Это и понятно: страхъ имѣетъ отношеніе только къ самому себѣ и противится пользѣ общей, пользѣ ближнихъ, пользѣ Царя и родины, если только можетъ пострадать свое «я».

Такимъ образомъ, г-нъ Ш—ъ глубоко ошибается, задавая такой вопросъ: «Развѣ намъ нуженъ такой воинъ»? Да, воинъ безъ страха былъ бы идеаломъ! Недаромъ слылъ идеаломъ «рыцарь».

безъ страха и упрека» (значить отсутствіе страха было связано и съ отсутствіемъ упрека—во всѣхъ отношеніяхъ, предусмотрѣнныхъ и не предусмотрѣнныхъ г-мъ Ш—ъ).

И я, лично, совершенно отказываюсь понять выраженія у г-на Ш—а, относимыя къ бойцамъ: «спасительный страхъ», «въ этихъ чувствахъ» (бояться), «если и кроются причины нашихъ неудачъ, то въ нихъ же и залогъ нашихъ побѣдъ». Не могу себѣ никакъ представить, чтобы можно было побѣдить опасеніемъ лично для отдѣльнаго индивидуума бѣды боли, страданій, смерти! Не могу себѣ представить спасительности подобныхъ опасеній!

Значить даже полная потеря страха дала бы памъ идеальнаго бойца, котораго *«можно было бы убить, но не побѣдить»*. Но достиженіе такого идеала, т. е. потери страха въ бойцахъ, вещь невозможная, какъ невозможна полная потеря воли. Я даже не понимаю выраженія г-на Ш—а «заглушить страхъ», такъ какъ лично признаю только возможность при помощи *самообладанія* силы воли *обуздать* страхъ и, что самое важное и необходимое при воспитаніи бойца, это—научиться *не показывать наружу страха*. При высшей степени развитія силы воли, при постоянныхъ упражненіяхъ достигаютъ сравнительной легкости въ обузданіи страха, но не навсегда, а на каждый разъ особо—тоже подобно обузданію боли отвлеченіемъ всего вниманія на постоянный предметъ ¹⁾.

Въ воспитательномъ отношеніи въ высшей степени полезно ознакомленіе каждаго бойца съ фактомъ, что *каждый человекъ подверженъ страху, но герои и доблестные умѣютъ обуздать его, не выказывать*.

Вспоминаются не разъ сдѣланныя мнѣ откровенныя признанія: «видно я не рожденъ быть храбрымъ,—чувствую иногда страхъ, когда приходится идти въ бой».

— Но вы идете?

— Конечно, иду; чувствую опасность, но иду и страхъ какъ-то отходитъ; начинаешь думать обо всемъ и ни о чемъ...

— А вы знаете опредѣленіе храбрости Ксенофонтомъ: храбрый тотъ, кто знаетъ, что впереди есть опасность и все-таки идетъ на нее?

Собесѣдникъ выказывалъ радостное удивленіе и сильно подбодрялся сознаніемъ, что онъ можетъ быть храбрымъ, такъ какъ храбрость оказывается не только удѣломъ немногихъ—по природѣ, а

¹⁾ Вообще объ упражненіяхъ къ обузданію и преодоленію чувства страха предполагаю написать особо.

всѣхъ тѣхъ, кто силой воли побѣдить, преодолѣть чувство опасности, т. е. страхъ.

Затѣмъ авторъ спрашиваетъ: какая польза для военнаго дѣла отъ бойца, который не волнуется?

«Бойца, котораго не волнуютъ битвы, не волнуетъ видъ убитыхъ и раненыхъ, не будутъ волновать и интересы дѣла. Этотъ боецъ равнодушенъ къ жизни, равнодушенъ къ дѣлу; его не волнуютъ ни уколы самолюбія, ни честолюбіе, ни радости успѣха, ни горе разочарованія и неудачъ, словомъ, онъ ко всему равнодушенъ...

Бойцы не раздражаются... но что они не будутъ раздражаться, не будутъ сердиться, не будутъ озлобляться. Желательны ли намъ такіе бойцы?»

По-моему, безусловно не только боецъ, но даже мужчина не долженъ *выказывать* своихъ волненій и раздраженій. Я привелъ бы тѣ же доказательства, что и относительно страха и тотъ же самый антитезъ повышенной или распущенной чувствительности, представляющій въ то же самое время не только желательное, но даже обязательное качество для вождя и бойца, это—*самообладаніе*.

Авторъ же доказываетъ.

«Пока живетъ человѣкъ, будетъ ли онъ штатскій или военный, онъ волнуется, беспокоится, раздражается, боится, иногда отчаивается, надѣется, вѣритъ и въ заботахъ стремится къ желаемому. Словомъ, нѣтъ волненій лишь у мертваго».

Все это такъ и противъ этого никто и не думалъ возражать, какъ противъ «свойства человѣческой природы», однако, военная психологія и даже просто психологія воспитанія говорить: «человѣкъ началъ выходить изъ состоянія варварства лишь тогда, когда научился управлять собой, т. е. управлять своими наследственными рефлексами...»; военная психологія называетъ это внутренней дисциплиной.

Значить управлять собой или какъ просто выражаются—«взять себя въ руки»—необходимо бойцу и всякому мужчине. Нѣкоторые выражаются: «силой воли боецъ долженъ убить въ себѣ низшія чувства»; (опять-таки—убить эти чувства, какъ и страхъ невозможно, но *совладать* съ ними, *не выказывать наружу*—можно и должно); въ этомъ и заключается обаяніе людей съ самообладаніемъ, съ «олимпійскимъ» спокойствіемъ.

Самообладаніе и спокойствіе, какъ антитезы «волненію и раздраженію страху», воину крайне необходимы на томъ основаніи, что только при спокойствіи можно быстро и правильно рѣшать безпрестанно возникающія въ боевой обстановкѣ задачи. Воины

волнующіеся, раздражительные—чрезвычайно вредны. Да и не военные таковые—непріятны.

Волненіе и раздражительность—свойства человѣческой природы, но у людей культурныхъ, людей съ высшимъ духовнымъ развитіемъ, людей съ развитой силой воли, въ этого волненія, этой раздражительности не замѣтите и за это... лишь проникнетесь большимъ къ нимъ уваженіемъ и почтеніемъ, какъ къ болѣе сильнымъ духомъ (напримѣръ—къ англичанамъ). Зачѣмъ отстаивать волненіе и раздражительность для бойцовъ? Это—не военная психологія.

Что если бы къ г. Ш—у, какъ психиатру, прпшелъ не воинъ, а просто «мужчина» и пожаловался на то, что по «свойству человѣческой природы» и потому, что много «охваченъ жизнью», у него «много волненій, опасеній и раздраженій»?

Думаю, что самъ г. Ш—ъ посоветовалъ бы ему *успокоиться, перестать волноваться и раздражаться*, или же далъ бы ему успокоительнаго.

Г. Ш—ъ говорить: «Бойцы съ развитыми чувствами, но способные сдерживать эти чувства въ предѣлахъ должнаго—вотъ желательные бойцы будущаго. Наше счастье, что бойцы на войнѣ не теряютъ способности чувствовать, волноваться, раздражаться, вѣрить, надѣяться, бояться, стремиться (это вѣдь не чувство, а напряженіе воли) и т. п. Въ этихъ чувствахъ, если и кроются причины нашихъ неудачъ, [то въ нихъ же и залогъ нашихъ побѣдъ...»

А на основаніи нашего величайшаго психолога—сердцевѣда Суворова, а также и Драгомирова увѣренъ, что это было бы нашимъ величайшимъ несчастьемъ. Суворовъ и Драгомировъ рекомендовали и учили бойцовъ какъ разъ обратному: «надлежитъ быть храбру, твердо, рѣшиму, настойчиву, спокойну, справедливу, благочестиву...» однимъ словомъ только акты *воли и высшія чувства*, какъ совѣсть (чувство долга), любовь къ Царю и отечеству и никакой «чувствительности».

Да и возможна ли «способность сдерживать развитыя чувства волненія и раздражительности? Не противорѣчитъ ли вторая часть цитаты первой?

Не противорѣчитъ ли этой статьѣ статья того же автора въ № 182 «Русскаго Инвалида»—«Вліяніе живыхъ примѣровъ на доблесть войскъ»? Гдѣ «истинный храбрець съ вѣчно улыбающимся лицомъ, вѣчно веселый...», будучи много разъ раненъ, не волновался, не раздражался, а шутилъ и смѣялся и именно этимъ поднималъ духъ и бодрость товарищей. А затѣмъ, полкъ оставался геройскимъ, благодаря оставшимся 30-ти героямъ, оказы-

вается не изъ-за волненій, раздраженій страха, а наоборотъ—храбрости.

Примѣчаніе. Кстати я никакъ не могу понять, почему при разсказахъ о подвигахъ этого героя съ 36-ю ранами—«они убѣждались, что люди служатъ полку (??) и значить (?) военному дѣлу не только за награды, но и по совѣсти...»

Неужели же перестали учить, что «солдаты слуга Царю и Отечеству...» и «служить Царю *въ* полку», а начали учить, что «служить полку и значить военному дѣлу»?

И вообще, почему дѣлается удареніе на полкъ, какъ будто «вліяніе живыхъ примѣровъ» возможно только по психологіи въ полку, а не во всей арміи?

Изъ дальнѣйшаго выясняется главная мысль этой статьи; мысль чрезвычайно важнаго значенія для военнаго дѣла, это—*необходимость изучить, изслѣдовать всевозможныя положительныя и отрицательныя, но свойственныя природѣ чловѣка проявленія его духа и на основаніи этого изученія, изслѣдованія—ознакомить, подготовить всѣхъ, кому придется быть участникомъ или сотрудникомъ, пособникомъ великаго дѣла—войны.*

И противъ этой главной мысли, какъ глубоко обоснованной и изученіемъ, и собственными наблюденіями г-на Ш—а во время войны и мира,—только не я буду возражать. Но я къ ней считалъ самымъ необходимымъ прибавить: и въ проявленіяхъ духа, какъ и въ тѣлѣ имѣются здоровыя и болѣзненныя; а потому мало одного изслѣдованія и изученія, а затѣмъ оповѣщенія о «чумѣ», «холерѣ» и др.; *необходимо еще такъ подготовить организмъ, чтобы сдѣлать его совѣстнмъ не воспріимчивымъ или минимально воспріимчивымъ къ болѣзнямъ духа бойцовъ: прививкой или укрѣпленіемъ организма.* Это—задача воспитанія, и командиръ, вождь на своемъ мѣстѣ (всѣгда психологъ) не упуститъ случая научить людей—какъ совладать съ собой, главнымъ образомъ съ болѣзненными, хотя и свойственными чловѣческой природѣ, проявленіями духа, какъ страхъ, волненія, безпокойство (ужасное зло въ военномъ дѣлѣ), раздраженіе и т. п.; въ особенности, чтобы никто не смѣлъ *выказывать* страха, что страшно заразительно.

А. Дмитревскій.